

Философская практика одиночества: экзистенциальное расширение границ сознания

Богданова Вероника Олеговна

кандидат философских наук

доцент, ФГБОУ ВО "Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет"

454080, Россия, Челябинская область, г. Челябинск, ул. Ленина, 69, ауд. 444

Bogdanova Veronika Olegovna

PhD in Philosophy

Post-graduate student of the Philosophical Department at Chelyabinsk State Pedagogical University

454080, Russia, Chelyabinskaya oblast', g. Chelyabinsk, ul. Lenina, 69, aud. 444

✉ verovictory@mail.ru

[Статья из рубрики "Человеческие экзистенциалы"](#)

Аннотация. Предметом исследования является философская практика одиночества, суть которой заключается в преодолении страха перед ним, принятии своего одиночества как базисного состояния бытия. Оно является основным состоянием, поскольку в каждом выборе человек одинок, и его одиночество усугубляется чувством незащищенности и страхом. Несмотря на жесткое давление жизненных обстоятельств и окружающих людей, человек должен следовать зову своей самости. Одиночество для него становится продуктивным, творческим состоянием, раскрывающим подлинность существования, дарующим радость обретения смысла жизни. Принятие одиночества не означает полной социальной изоляции. Межличностные отношения в состоянии одиночества могут проявлять себя через любовь или сострадание к другому человеку. Любовь рождается из понимания общего удела для всех людей, обреченных на экзистенциальное одиночество. Исследование строится на конструктивистском, феноменологическом подходах. Использование данных подходов обусловлено внутренней изолированностью сознания, которая приводит к тому, что универсальным принципом человеческого существования является одиночество. Субъект не в состоянии понять другого человека, так как для него исходной реальностью является его «Я», все остальное предстает в виде проекции субъекта вовне. Научная новизна и выводы: в статье дается развернутое объяснение того, что при кажущейся невозможности достижения духовного единства и понимания между людьми, которому препятствует экзистенциальное одиночество, именно оно является тем «чистилищем», через которое проходит человек на пути к психологической зрелости и духовному росту. Философская практика дает возможность работы с одиночеством, оно перестает восприниматься как трагедия, поскольку принимая одиночество, человек углубляет себя и посредством этого углубляется и укрепляется его связь с миром и другими людьми.

Ключевые слова: ответственность, экзистенция, философская практика, аутопозная система, конструктивистский подход, сознание, одиночество, смысл жизни, любовь, бытие

УДК: 141.32

DOI: 10.25136/2409-8728.2017.10.22289

Дата направления в редакцию: 17-03-2017

Дата рецензирования: 19-03-2017

Статья подготовлена в рамках задания № 35.5758.2017/БЧ «Философская практика как новая парадигма современных социогуманитарных исследований» Министерства образования и науки Российской Федерации на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности.

Abstract. The subject of this research is the philosophical practice of solitude, the essence of which consists in overcoming the fear and accepting the solitude as the basic state of existence, because in every choice an individual is lonesome, and his solitude is aggravated by the sense of insecurity and fear. Despite the severe pressure of life circumstances and surrounding people, a person must follow the call of selfhood. Solitude for him becomes a productive, creative state, revealing the authenticity of existence, giving joy to the acquisition of the meaning of life. The acceptance of solitude does not imply a complete social isolation. Interpersonal relations in the state of loneliness can manifest through love or compassion for another person. Love originates from the comprehension of the common destiny for all people doomed to existential solitude. The research is based on constructivist and phenomenological approaches, substantiated by the internal isolation of consciousness, which leads to the fact that the universal principle of human existence lies in solitude. The subject is incapable of understanding another person, since for him the initial reality is the "Self", while everything else appears as an external projection of the subject. The article provides a detailed explanation of the statement that, in terms of the apparent impossibility of achieving the spiritual unity and understanding between people, which is impeded by the existential solitude, namely it manifests as a "purgatory" through which a person gets through on his path to psychological maturity and spiritual growth. Philosophical practice gives an opportunity to work with solitude. It ceases being perceived as a tragedy, because by accepting the solitude, a person retreats into himself, and thus strengthens his connection with the world and other people.

Keywords: liability, existence, philosophical practice, autopoietic system, constructivist approach, consciousness, loneliness, meaning of life, love, being

Сознание как "платоновская пещера"

Сознание всегда будет загадкой. С одной стороны, обладать сознанием для нас настолько естественно, что кажется, нет необходимости долго говорить об этом, тем более доказывать его существование, с другой стороны, наши знания о функционировании сознания являются весьма скромными, кроме того, их невозможно получить привычными способами познания – ни наблюдением, ни интроспекцией. Мы не в состоянии отделить сознание от его содержания. Сознание всегда представлено для нас в виде ментальных репрезентаций (восприятий, представлений, мыслей, чувств и т.д.), поэтому о нем невозможно говорить с позиции третьего лица, стороннего наблюдателя. Сознание можно представить как «окно», через которое мы видим мир, не замечая самого окна [\[8, с. 118\]](#). В исследовании сознания индивид одновременно выступает и как субъект, и объект. Ситуация усугубляется еще и тем, что наши способы познания уже заранее обусловлены определенными имеющимися у нас знаниями. Как отмечает Э. Гуссерль, само понимание сознания нуждается в очищении, так как оно

нагружено естественно-научными, культурно-историческими и философскими истолкованиями. В качестве «очищения» представлений о сознании философ предлагал применять трансцендентальную редукцию, которая «выносит за скобки» мысли о сознании, о духовных процессах как феноменах человеческой культуры [4, с. 85]. Исследователь должен двигаться к чистому потоку переживаний, его задача научиться как бы «плыть вместе» с этим потоком. Он может с помощью интенции вычленил из потока переживаний отдельные феномены для анализа. По мысли Гуссерля, данную процедуру субъект должен осуществлять, «вынося за скобки» физические, психологические, индивидуальные аспекты переживаний, что в чистом виде сделать практически невозможно.

Человеку сознание дано непосредственно, но о существовании и особенностях сознания Другого он знает лишь опосредствованно через внешние проявления. Как можно понять субъективный опыт другого сознательного существа? Человек судит о состояниях сознания Другого по аналогии с собой. Он проводит типичные корреляции между своими субъективными состояниями и их внешними проявлениями (реакциями, поведением, речевыми актами и пр.). Наблюдая подобные реакции у Другого, он пытается помыслить его «изнутри». Исследователь, использующий аналогию, может сослаться на сходство телесной структуры, физиологии (например, наличие глаз свидетельствует о наличии зрения, а значит – о наличии субъективных образов, и т.п.) [5]. В итоге «аргумент по аналогии» приводит к предписыванию Другому несвойственного ему жизненного опыта. Возможен ли в принципе аналогичный жизненный опыт и основанные на нем аналогичные представления о мире у двух разных людей? Здесь мы вступаем в область конструктивного взаимодействия субъектов, которые приобретают новый, уникальный опыт, «коллективное сознание». В такой «коллективной» форме сознание открыто для исследования и посредством этого, можно разобраться, как функционирует индивидуальное сознание, если оно вообще существует.

Конструктивистский подход рассматривает любую познавательную деятельность как конструирование. Конструирование представляет собой «специфическую способность сознания не столько воспринимать мир, сколько активно воссоздавать его в себе, из себя и для себя» [15, с. 133]. В процессе конструирования сознание всегда активно и продуктивно, оно целиком и полностью погружено в непрерывный поток «интерпретаций» действительности. Под интерпретацией в этом контексте следует понимать деятельность сознания по созданию тех или иных конструкций, «схематизмов», начиная от восприятий и представлений и кончая понятиями «чистой» логики. Таким образом, конструирующая интерпретация в самом широком смысле несет в себе «организующие, структурирующие, формирующие и наглядно образные аспекты миропонимания и самосознания» [7, с. 145]. Конструктивистский подход базируется на активности познающего субъекта, создающего адаптивные конструкции чувственного и рационального опыта. С точки зрения конструктивистского философствования реальность «в-себе» скрыта для познания, поэтому правомерно говорить лишь о реальности «для-субъекта». Познание осуществляется не посредством «отражения» реальности, а посредством конструирования значимых для субъекта моделей реальности. Однако моделирование мира не является произвольным: оно проходит через биологические и социокультурные «фильтры». В качестве биологических фильтров могут выступать врожденные структуры сознания, которые заложены природой. Они позволяют воспринимать мир в определенном «диапазоне». Диапазон восприятия окружающего мира определяется биологией живого существа, в нашем случае биологией человеческого рода. Воспринимаемые предметы окружающего мира образуются в

сознании в виде структурированной реакции нервной системы на среду. То, что человек называет воспринимаемым предметом, выступает в виде содержания сознания. Это содержание оформляется по заранее заданным или отлаженным эволюцией механизмам, которые не осознаются, являясь врожденными.

Материальным базисом врожденных структур выступает организация центральной нервной системы. «Очки», через которые мы смотрим на мир, – такие формы нашего мышления и созерцания, как причинность, вещественность, пространство и время, – суть функции нашей нейросенсорной организации, возникшей для сохранения вида» [10, с. 249]. Живой организм выступает как самовоспроизводимая, саморегулируемая аутопоэзная система, которая реагирует только на те воздействия окружающей среды, которые согласуются с ее организацией. Информация о внешнем мире, воспринимаемая организмом, многократно кодируется. В результате процесса кодирования и декодирования информация о внешнем мире неизбежно «искажается», а часть ее вообще отфильтровывается на входе, поэтому, как отмечает Г. Фоллмер, то, что «попадает» в мозг не есть чистое ощущение, а сигнал, который в благоприятном случае может быть прочитан (воспринят или познан) как определенное ощущение. Во всяком случае, далеко не все сигналы достигают уровня сознания. Такие избирательные и искаженные восприятия нельзя считать «отражением» действительности, они всегда являются конструкцией. Поэтому, согласно взглядам представителей эволюционной эпистемологии, априорные структуры соответствуют объективной действительности в той мере, в какой обеспечивают жизнеспособность сформированных когнитивных структур.

На основе взглядов К. Лоренца и Г. Фоллмера можно прийти к выводу, что во многом представления об окружающей действительности разных людей могут совпадать, поскольку они обладают когнитивными аппаратами, которые имеют сходное строение и функционирование, так как создавались в процессе длительной эволюции единого вида *homo sapiens*. Однако нельзя с этим согласиться в полной мере. Селективная работа когнитивного аппарата человека по сбору материала для создания представлений о реальности осуществляется не только на чувственном уровне, но и на рациональном. Следует допустить возможность влияния прошлых событий жизни индивида на восприятие реальности. События прошлого опыта осмысливаются индивидом, прочно связываются с определенной адаптивной «схемой действия». «Схема действия» содержит в себе как теоретический, так и практический концепт. Она дает объяснение ситуации и способ ее решения. По сути «схема действия» является результатом обобщений прошлого индивидуального опыта. Она становится исходной точкой для конструирования нового знания, так как субъект будет интерпретировать будущие события, исходя из намеченной «схемы действия». Кроме того, по мысли Ж. Пиаже, субъект будет воспринимать лишь то, что укладывается в уже имеющиеся структуры. Интегрирование стимулов среды с внутренними структурами происходит большей частью бессознательно, индивид остается в неведении относительно того, что было отбраковано ввиду несоответствия когнитивным структурам. Таким образом, познание мира можно рассматривать как обработку нового материала на основе уже известных когнитивных структур [3]. Человек, по большей части, воспринимает только то, что им соответствует.

Если анализировать поведение человека, то, по мысли Дж. Келли, человеческие поступки следует рассматривать не как ответные реакции на внешние воздействия, а как ответы на вопросы, которые человек задает миру. Действия, поведение человека определяется структурой сознания, а поступки встраиваются в те когнитивные конструкты, в пределах которых происходит антиципация событий. Таким образом, человек не только воспринимает реальность через систему конструктов, но и действует в

этом мире в рамках этой системы [\[9, с. 121\]](#). Человек находится внутри им же сконструированной рациональной «клетки», всегда остается заложником своих личных предубеждений, которые не позволяют ему воспринимать мир объективно. Переживания его жизненного опыта представляют собой акты интерпретаций, посредством которых он придает смысл своему опыту, делая его понятным для себя и для других. Человек связывает переживания в нескончаемой веренице событий, пытаясь подвести их к единой истории. Изначально человек имеет множество историй о себе, их содержание зависит от того, на какие события он обращает внимание, как связывает их между собой и как их интерпретирует. Интерпретация опыта осуществляется на основе культурно заданных знаний и общественных практик, т.е. историями, которые были созданы сообществами людей и привлекаются этими людьми для осмысления и описания их опыта. Таким образом, культурный опыт прошлых поколений, устоявшиеся социальные практики используются субъектом для объяснения своей жизненной истории и моделирования мира. Они образуют социокультурные «фильтры», через которые субъект пропускает реальность. В качестве таких фильтров можно рассматривать структуры языка и устойчивые социальные конструкты.

Если говорить о языке, то в нем господствуют жесткие социокультурные смыслы, обеспечивающие его адекватное использование. Язык часто уводит субъекта от истины. Любой знак используется тем или иным сообществом определенным образом и соответствует определенным объектам в рамках концептуальной схемы этих пользователей, поэтому субъект может знать только тот мир, который уже изначально структурирован концептуальной схемой родного языка [\[21, р. 52\]](#). В теории Х. Патнэма реальность изначально дается субъекту через концептуальные схемы языка, как и у Л. Витгенштейна границы языка определяют границы реальности. Осознавая программную открытость значений и невозможность установления связи между концептуализациями и окружающим миром, некоторые представители аналитической философии рассматривают язык в качестве главного способа конструирования реальности.

Постструктуралисты пошли еще дальше, утверждая, что текст – это и есть единственная реальность. Язык не способен быть «чистым» проводником «знания о реальности», он неразрывно связан с когнитивными и социальными установками-предпочтениями познающего субъекта. Язык урезает, обобщает и искажает смысл уникального субъективного опыта, используя закрепленные в культуре схемы репрезентаций действительности. Эти отлаженные схемы конструктивисты именуют социальными конструктами. Конструкты – это способы истолкования мира, своеобразные классификационно-оценочные шаблоны, которые человек создает для предсказания событий и через которые он воспринимает мир [\[16, с. 37\]](#). Согласно П. Бергеру и Т. Лукману, конструирование мира происходит в результате социальных взаимодействий. Ментальные конструкции и образ реальности конструируются при совместной деятельности людей, являются продуктом их коммуникации. Многие знания, заложенные в процессе социализации, даются индивиду а priori. Подобная преемственность знаний от общества к субъекту изначально гарантирует индивиду смысловой порядок. Эта упорядоченность опыта, хотя и связана с определенной социально-исторической ситуацией царящей в обществе, но, тем не менее, кажется индивиду естественным способом видения мира, он принимает его безоговорочно и чаще всего до конца не осознает.

Социальный запас знаний, который имеет субъект, погруженный в повседневность, базируется на схемах типизации, которые позволяют соотносить происходящие события между собой и на основе сравнения выстраивать представления «не только типизаций

других людей ... но и типизаций любого рода событий и опыта, как социальных, так и природных» [1, с. 73]. Схемы типизаций закладываются в сознание человека с самого детства и позволяют усвоить в сжатом виде огромный пласт знаний и опыта, накопленных культурой и хранить общественные традиции. То есть схемы типизации – это образцы мышления и поведения, которые могут многократно повторяться с минимальной затратой жизненных сил, так как субъект освобождается от проблемы выбора и способен предсказывать поведение других людей.

Таким образом, субъект, познающий себя и окружающую действительность, создает адаптивные конструкты чувственного и рационального опыта. Данные конструкты опираются на эволюционный опыт и культурные практики прошлых поколений, и это служит цементирующей основой человеческого рода, обеспечивающей взаимодействие между людьми. Однако возникает вопрос: почему взаимодействие, основанное на взаимном понимании, является для многих людей неразрешимой проблемой? Нам видятся три причины этого, уже обрисованные нами в общих чертах. Первая связана с информационной замкнутостью человеческого сознания; вторая – с ограниченностью языка в выражении субъективного опыта, третья – с объективацией субъективного опыта.

Причина непонимания сознания Другого может иметь чисто физиологическую основу, коренящуюся в особенностях функционирования головного мозга. Г. Рот считает, что головной мозг всегда информационно замкнут. Физико-химические раздражители окружающей среды, которые воздействуют на рецепторы органов чувств, не приносят никакой «объективный смысл» в нервную систему, значения сигналов конструируются исключительно мозгом. «В таком смысле мозг представляет собой систему производства информации, а не ее потребления» [18]. Поэтому все «внешние» воздействия должны быть переведены во «внутренние» состояния нейронной активности, на которые реагирует аутопоэзная система. Таким образом, согласно концепции Рота, мозг является автономной и информационно замкнутой системой, так как поступающая информация из окружающей среды переводится в нейродинамические процессы мозга и, по сути, утрачивает свои первоначальные свойства и характеристики. Поступающие от органов чувств «сырые» данные переплетены, многозначны, только имплицитно информативны. Они постоянно должны формироваться согласно внутренним критериям, это значит, что информация должна эксплицитно выявляться в свете прошлого опыта (эволюционного и индивидуального). Если врожденные структуры, созданные в ходе эволюции, едины для всех представителей человеческого рода, то приобретенные структуры уникальны, поскольку невозможно встретить двух людей с одинаковой жизненной историей.

Вторая причина непонимания Другого связана с трудностью передачи содержания субъективного опыта языковыми средствами. У. Матурана считает, что следует подвергать сомнению саму возможность передачи информации в процессе коммуникации. Дело в том, что в процессе общения ничего никому не «передается» в прямом смысле. Передача информации – всего лишь неудачная метафора совместной деятельности, в результате которой возникает сходный отклик: более или менее близкое взаимное понимание чего-то иного. Язык всегда предстает как миф, в который нам выгодно верить, а не как вещь, живущая по законам и правилам физического мира. Человек в коммуникации всегда видит то, во что он верит [11]. Невозможно достичь полной ясности языка, поэтому внешний и внутренний миры не имеют полного описания. Истолкование символов языка осуществляется в соответствии с «сеткой предпочтений» той или иной теоретической системы, которую выбирает субъект. Субъект может одновременно прибегать к разным способам описания, некоторые из них могут до конца

не осознаваться, осуществляться на интуитивном уровне. С одной стороны, все интерпретации законны в рамках теории, которая обосновывает правила прочтения, но с другой – проясняя свой субъективный опыт, индивид может использовать разные истолкования одновременно, создавая конфликт интерпретаций. Этот конфликт является существенным, а порой и непреодолимым препятствием для понимания Другого.

Третья причина – объективация субъективного опыта, связанна с вовлеченностью индивида в социальную действительность. Здесь субъект как бы «опредмечивает» самого себя, добровольно превращаясь в объект манипуляции. Объективация происходит тогда, когда порядок внутреннего существования заменяется принудительно социализированным порядком. Человек полностью сливается с социальной ролью, с головой погружается в разнообразные социальные практики. В таком состоянии человеческий дух закрыт, обеднен, проявляется лишь в искаженной форме. Получается, что доступное для восприятия внешнее поведение субъекта, часто не согласуется с его внутренним миром. Внешнее поведение может оказаться защитной маскировкой, снимающей конфликт внешних и внутренних противоречий. Схемы типизации, регламентированное поведение, защитные «маски», – все это позволяет не жертвовать спокойным, безмятежным состоянием, поскольку закрывает доступ к голому незащитному существованию человека. Многие поведенческие реакции человеком даже не осознаются, поскольку они отточены до автоматизма усвоенной схемой типизированных действий. Люди в социальной действительности выступают в качестве одиноких монад, вовлеченные в события без их осознанного участия, оторванные от глубины осознания собственного «Я». Социальные конструкторы, обеспечивающие внешнее взаимодействие, служат источником внутреннего отчуждения, препятствующего подлинной коммуникации.

Исходя из этого, понятно, что стремление к пониманию и мировоззренческому единству с Другим всегда остается неудовлетворенным. Субъект не может раскрыть перед Другим всю полноту своей индивидуальности, также как не может до конца понять сущность Другого. Люди живут, словно в разных измерениях, чуждых параллельных мирах, которые не пересекаются, хотя на первый взгляд могут показаться одним целым. Мир видится людям в разных перспективах, и из-за отличия горизонтов понимания сложно найти точки соприкосновения во взглядах, найти родственную душу. Кажется, что живое межличностное общение может разрешить эту проблему, помочь человеку понять воззрения Другого, почувствовать сокровенную близость, единение душ, но, по сути, это на миг обретаемое единство является иллюзией. Люди – заложники платоновской пещеры, которая создает пределы их восприятия и понимания. Внутренняя изолированность сознания является основой любого индивидуального бытия. Эта внутренняя изолированность приводит к тому, что универсальным принципом человеческого существования является одиночество. Субъект не в состоянии понять другого человека, так как для него исходной реальностью является его «Я», все остальное предстает в виде проекции субъекта вовне. Другие люди с их мыслями и чувствами для нас являются лишь феноменами нашего сознания. Эта и есть та платоновская пещера, из которой нам не выбраться.

Философская практика одиночества: выход из "платоновской пещеры"

В современном мире проблема непонимания и одиночества стоит очень остро. Неслучайно М. Бубер, характеризуя состояния современного мира, назвал его «эпохой бездомности» [\[21\]](#). Неприкаянный одинокий человек в чужом и неприятном мире не может отыскать свое место среди других людей, и он обречен на долгие поиски укромного,

теплого уголка, где он бы мог обрести душевный покой, почувствовать себя «как дома». Осиротелый человек лишился природного дома. Он не может вернуться к дочеловеческому состоянию гармонии с природой, поскольку наделен разумом. Разум дал человеку возможность осознать себя, увидеть свою обособленность от мира. Человек противопоставляет себя не только природному миру, но и другим людям. За свою автономность личность расплачивается одиночеством, которое воспринимается как болезненная оторванность от других людей. Разворачивающаяся трагедия одиночества рано или поздно приводит каждого человека к мысли о его непреодолимости. Человек одинок с момента рождения и с этим чувством он проходит через всю свою жизнь. Однако время от времени оно притупляется из-за вовлеченности в повседневную рутину, но сама эта втянутость в мирскую суету может сыграть роль фактора, усиливающего чувство одиночества впоследствии. Внешняя вовлеченность приводит к тому, что человек теряет связь с самим собой, его «Я» растворяется в пустоте повседневности. Жизнь без связи со своей подлинной, сокровенной сущностью рано или поздно приводит к потере смысла существования и еще больше усугубляет проблему одиночества.

Хотя одиночество непреодолимо, но с этим чувством можно работать, постепенно включая его во внутреннюю жизнь сознания. Бороться необходимо не с одиночеством, а со страхом одиночества. Борьба со страхом одиночества – это, прежде всего, философская практика. Умение принимать одиночество – это свидетельство духовной зрелости личности. Одиночество отнюдь не препятствует личностному развитию. Одиночество необходимо не только принять, но и осознать его полезность. В философской практике принятия одиночества человек должен сосредоточить свое внимание не на вопросе «Как преодолеть одиночество?», а на вопросе «Как можно полноценно жить, будучи одиноким?» [\[12, с. 156\]](#).

И. Ялом говорит о двух способах работы с одиночеством, которые тесно связаны с осознанием индивидом своей смертности и свободы. Именно знание о смерти заставляет человека в полной мере осознать, что никто не может умереть «вместе с кем-то или вместо кого-то» [\[19\]](#). Даже если человек умирает, окруженный заботой и любовью близких людей, или умирает вместе с другими за общее дело, все равно на фундаментальном уровне он будет переживать свое индивидуальное умирание в одиночку. В этом случае единственный путь спасения – это мужественное смирение перед лицом смерти. Принятие конечности бытия возможно только через повышение модуса собственного существования, в просветленном понимании бытия, которое создается в гармонии с собственной самостью. Бытие человека направлено на обретение самости, возможности быть собой. Индикатором подлинности существования может быть чувство экзистенциальной вины, которое появляется тогда, когда человек ощущает, что не живет в полной мере. По мысли М. Хайдеггера, почувствовав свое виновное бытие, человек постигает свою ничтожность, так как он не может устранить факт пустоты существования. Единственное, что может сделать человек, так это встретиться лицом к лицу с собственным сущностным ничтожеством и включиться в борьбу за подлинность [\[17, с. 259\]](#).

Борьба за подлинность предполагает осознание своей свободы и ответственности за бытие. Человек должен понять, что только он является творцом собственной жизни. Психологическая зрелость индивида предполагает отказ от иллюзорной веры, что кто-то другой направляет, охраняет и оберегает его существование. Осознание этого всегда сопровождается чувством одиночества. Предоставленный самому себе свободный человек является творцом своей судьбы и несет за нее ответственность. Он испытывает состояние заброшенности, так как больше ни на кого нельзя положиться. Лишенный

почвы под ногами человек абсолютно одинок в выборе ценностей, идеалов, способов их воплощения. Он осознает, что ничего в мире не дается заранее в виде незыблемой опоры для его свободного выбора, как и не существует предустановленной гармонии между человеком и миром. Ответственность за собственное существование и одиночество на фоне космического безразличия Вселенной – все это дает возможность зрелой личности самой привносить в мир осмысленность и порядок.

Таким образом, проблема одиночества тесно связана с осознанием конечности существования. Данное осознание наделяет человека чувством ответственности. Осмысленное и ответственное бытие предполагает, что человек, ставя перед собой те или иные цели, «упорядочивает», дисциплинирует себя определенными обязательствами, что привносит в жизнь смысл. Утрата смысла опять отбрасывает человека к осознанию одиночества, что в свою очередь опять актуализирует самосознание.

А. Камю полагает, что сутью каждого свободного поступка человека является преданность определенной идее, которая не может сулить какой-либо успех. Философ рисует образ Сизифа – символ человеческого состояния. Сизиф для Камю – это человек абсурда как и каждый из нас, он тратит жизнь впустую, совершает бессмысленные действия, которые не приносят никакой пользы, они никогда не останутся в вечности, потому что перед вечностью любое дело обращается в ничто. Сизиф, жаждущий жить полной жизнью, осужден богами на тяжкий и бессмысленный труд. Погруженный в безграничное одиночество, лишенный поддержки людей и богов, он не теряет внутреннюю силу и свободу: «Я покидаю Сизифа у подножия горы, – пишет Камю. – От собственной ноши не отделаешься. Но Сизиф учит высшей верности, которая отрицает богов и поднимает обломки скал. Сизиф тоже признает, что все хорошо ... Однако восхождение к вершине достаточно, дабы наполнить до краев сердце человека. Надо представлять себе Сизифа счастливым» [\[6, с. 354\]](#). Несмотря на брэнность существования, Сизиф счастлив, так как, в конечном счете, ценность действия, поступка сводится к тому, как о нем судит он сам.

В каждом поступке, явившемся результатом свободного выбора, человек выбирает себя. В своем выборе человек тоже одинок. Он острее чувствует свою незащищенность, страх, изолированность от других людей. Он должен следовать зову своей самости, несмотря на жесткое давление жизненных обстоятельств и людских оценок. По мысли Ж.-П. Сартра, Другой всегда входит в субъективный мир человека и пытается его переустроить, вмешивается в самое сокровенное и интимное. В результате «принадлежащее» мне бежит от меня под непрощеным воздействием Другого [\[14, с. 449-451\]](#). Другой не может понять нашу подлинную суть, но оценка Другого имеет для нас огромное значение. Мы всегда пытаемся добиться признания Другого. В процессе коммуникации с Другим укрепляется образ нашего «Я». Однако данный образ может быть весьма противоречивым. Человеку кажется, что он знает свое «Я» и без участия Другого, но чувствует, что «достоверность будет истиной только в той степени, в какой его собственное существование для себя являлось бы ему в качестве независимого объекта» [\[13, с. 381\]](#). Человек постепенно срастается с определенными социальными масками. Подлинность «Я» размывается, становится неопределенной для самого субъекта. Интуитивное желание вернуться к самому себе, служит поводом для бегства от Другого. Человек полагает, что любое взаимодействие с Другим обречено на саморазрушение, отчуждение и одиночество.

Сартр определяет человека как существо, способное на самообман, которое

предъявляет себе требование быть искренним с собой, но это требование остается невыполненным. Требование человека к себе «Будь собой» не реализуется потому, что человек себя не знает. Между человеком и его сущностью стоит «ничто» [13, с. 152-153]. Создание человеком своего образа осуществляется в слепую, на ощупь, наугад. Человек, ощущая свое «ничто», пустоту, стремится ее заполнить, он обращается за помощью к Другому, но Другой открывает ложные пути для самопознания. Однако человек никогда не теряет надежду быть понятым Другим. Со временем открывшейся обман возвращает человека к самому себе, к своему одиночеству. Сартр говорит о необходимости такого духовного уединения, в котором индивид может сохранить свою свободу, остаться независимым от внешнего принуждения. Одиночество для Сартра – это возможность оставаться верным себе.

Верным себе можно быть при условии, что человек, уже узнав кое-что о себе, стремится углублять свое самопознание. М. Бубер отмечает, что «более всего склонен и наилучшим образом подготовлен к самосознанию человек, ощущающий себя одиноким», поскольку оставаясь наедине с собой и своими проблемами, он с неизбежностью превращается в вопрос для самого себя. [2, с. 164.]. Уединяясь, человек постигает свой духовный мир, аккумулирует жизненный опыт. Одиночество позволяет прислушиваться к самости, открывает духовное богатство, тогда как погруженность в социальную среду отвлекает человека от серьезных дум о собственном существовании или подавляет его личность. Итак, проблема одиночества решается через его принятие даже ценой противопоставления себя социальной среде или другим индивидам. Однако принятие одиночества не означает полной социальной изоляции. Межличностные отношения в состоянии одиночества могут проявлять себя через любовь или сострадание к другому человеку. И. Ялом отмечает, что только «любовь компенсирует боль изоляции» [19]. Осознание того, что другие являются такими же напуганными, потерянными и одинокими существами смягчает сердца людей, дает возможность прощать обиды, освобождает от страха быть отвергнутым.

Одиночество тягостно человеку, который не способен преодолеть свой эгоизм. Он ищет подтверждения ценности своей личности и даже восхищения окружающих, и злится, когда не добивается поставленной цели, проявляя скрытую или открытую враждебность по отношению к миру. Г. Зилбург считает, что истоки одиночества коренятся в раннем детстве. Ребенок узнает радость быть любимым и вызывать восхищение вместе с потрясением, порожденным тем, что он – маленькое, слабое существо, нуждающееся в помощи со стороны других людей. Это и есть, по Зилбургу, «квинтэссенция того, что позже становится нарциссической ориентацией ... Это и есть также зародыш отчужденности, враждебности и бессильной агрессивности одинокого» [20, p. 53]. Нарциссическая личность организована согласно принципу поддержания самоуважения путем получения подтверждения со стороны окружающих. Если исходить из нашего ключевого положения об информационной замкнутости любого человеческого сознания, то каждый в процессе общения приписывает Другому качества, которые могут на самом деле отсутствовать, но которые идеально встраиваются в выработанный контекст представлений индивида о мире. Получается, что любую оценку субъекта, адресованную нам, необходимо понимать только в контексте нашей собственной интерпретации этой оценки. Интерпретация неизбежно искажает первоначальный смысл, добавляя к нему наши собственные фоновые смыслы, сопряженные с переживаемым нами в данный момент чувством одиночества.

Таким образом, основным способом решения проблемы одиночества является преодоление страха перед ним, необходимо принять свое одиночество как базисное

состояние бытия и научиться с ним работать. Одиночество должно мыслиться человеком как продуктивное, творческое состояние. Принявший свое одиночество является творцом своей судьбы, он уходит от социальной обыденности, дорожит своей подлинностью, обретает жизненный смысл. Погружаясь в одиночество, человек может раскрыть внутренние резервы души, свое духовное богатство. Следует принять мысль о том, что человек не способен до конца прочувствовать и понять внутренние переживания и ценности других людей, они навсегда останутся для него «terra incognita». Конечно, у людей много общего: единая эволюция, общая социокультурная среда. Однако эти факторы не снимают остроты экзистенциальных проблем человеческого существования. Сознание человека можно сравнить с нотной гаммой, где каждой ноте соответствует та или иная устойчивая когнитивная структура. Но какая мелодия сложится из этих нот, зависит от самого субъекта.

Одиночество воспринимается как трагедия в силу эгоистического, по сути, инфантильного отношения к миру и своему месту в нем. Зрелая личность принимает свое одиночество и преодолевает межличностную изоляцию через любовь и сострадание. С одной стороны, человек освобождается от автоматизмов социального поведения, которые дают лишь видимость общения, а на самом деле служат источником отчуждения между людьми, усугубляя их изоляцию. С другой стороны, принимая одиночество, человек углубляет себя и посредством этого углубляется и укрепляется его связь с миром и другими людьми. Расширяя границы сознания, мы расширяем границы мира; и первым шагом на пути этого расширения является философская практика одиночества.

Библиография

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медум, 1995. 323 с.
2. Бубер М. Два образа веры. Сборник работ: Мыслители XX века. М.: Республика, 1995. 464 с.
3. Глазерсфельд Э. фон. Радикальный конструктивизм: модель познания и научения [Электронный ресурс]: URL: <http://www.attachment:/1/konstruktivistskaa-epistemologia-zh-piazhe.html> (дата обращения: 10.04.15).
4. Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб.: Наука, Ювента, 1998. 315 с.
5. Дубровский Д.И. Проблема познания чужой субъективной реальности // Философия науки. Выпуск 17. Эпистемологический анализ коммуникации. М.: ИФ РАН, 2012. С. 24-39.
6. Камю А. Избранное: Сборник. М.: Радуга, 1989. 464 с
7. Касавин И.Т. Обсуждаем статьи о конструктивизме // Эпистемология & философия науки. 2009. Т. XX. № 2. С. 144-151.
8. Киященко Л.П. В поисках исчезающей предметности (очерки о синергетике языка). М.: ИФ РАН, 2000. 199 с.
9. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке: материалы «круглого стола» // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 3-37.
10. Лоренц К. Кантовская концепция a priori в свете современной биологии // Эволюция. Язык. Познание. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 15-41.
11. Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1995. С. 95-142.
12. Перлман Д., Пепла Л. Э. Теоретические подходы к одиночеству / Лабиринты одиночества: общ. ред. и предисл. Н. Е. Покровского. М.: Прогресс, 1989. 624 с.
13. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М.: АСТ Москва,

2009. 925 с.

14. Сартр Ж.-П. Тошнота. Избранные произведения. М. , 1994. 496 с.
15. Современная западная философия: словарь / под ред. В.С. Малахов, В.П. Филатов. М.: ТОН – Остожье, 1998. 544 с.
16. Улановский А.М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструктивизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. 2009. № 2. С. 35-45.
17. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск: Водолей, 1998. 384 с.
18. Цоколов С.А. Конструктивистский дискурс как философско-методологическая основа изучения когнитивных функций головного мозга (Нейробиологический конструктивизм Герхарда Рота) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fund-intent.ru/science/fils005.shtml> (дата обращения 13.05.16).
19. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. Ч. 3. Изоляция. М.: Класс, 1999 [Электронный ресурс]. URL: <http://psylib.org.ua/books/yalom01/> (дата обращения 3.03.2017)
20. Zilboorg G. (1938). Loneliness. Atlantic Monthly, January 1938, 45-54.
21. Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge: University Press, 1981. 236 p.

References (transliterated)

1. Berger P., Lukman T. Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya. M.: Medum, 1995. 323 s.
2. Buber M. Dva obraza very. Sbornik rabot: Mysliteli XX veka. M.: Respublika, 1995. 464 s.
3. Glazersfel'd E. fon. Radikal'nyi konstruktivizm: model' poznaniya i naucheniya [Elektronnyi resurs]: URL: <http://www.attachment:/1/konstruktivistskaa-epistemologia-zh-piazhe.html> (data obrashcheniya: 10.04.15).
4. Gusserl' E. Kartezianskie razmyshleniya. SPb.: Nauka, Yuventa, 1998. 315 s.
5. Dubrovskii D.I. Problema poznaniya chuzhoi sub'ektivnoi real'nosti // Filosofiya nauki. Vypusk 17. Epistemologicheskii analiz kommunikatsii. M.: IF RAN, 2012. S. 24-39.
6. Kamyu A. Izbrannoe: Sbornik. M.: Raduga, 1989. 464 s
7. Kasavin I.T. Obsuzhdaem stat'i o konstruktivizme // Epistemologiya & filosofiya nauki. 2009. T. XX. № 2. S. 144-151.
8. Kiyashchenko L.P. V poiskakh ischezayushchei predmetnosti (ocherki o sinergetike yazyka). M.: IF RAN, 2000. 199 s.
9. Konstruktivizm v epistemologii i naukakh o cheloveke: materialy «kruglogo stola» // Voprosy filosofii. 2008. № 3. S. 3-37.
10. Lorents K. Kantovskaya kontseptsiya a priori v svete sovremennoi biologii // Evolyutsiya. Yazyk. Poznanie. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. S. 15-41.
11. Maturana U. Biologiya poznaniya // Yazyk i intellekt. M.: Progress, 1995. S. 95-142.
12. Perlman D. , Pepla L. E. Teoreticheskie podkhody k odinochestvu / Labirinty odinochestva: obshch. red. i predisl. N. E. Pokrovskogo. M.: Progress, 1989. 624 s.
13. Sartr Zh.-P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii. M.: AST Moskva, 2009. 925 s.
14. Sartr Zh.-P. Toshnota. Izbrannyye proizvedeniya. M. , 1994. 496 s.
15. Sovremennaya zapadnaya filosofiya: slovar' / pod red. V.S. Malakhov, V.P. Filatov. M.: TON – Ostozh'e, 1998. 544 s.
16. Ulanovskii A.M. Konstruktivizm, radikal'nyi konstruktivizm, sotsial'nyi konstruktivizm:

- mir kak interpretatsiya // Voprosy psikhologii. 2009. № 2. S. 35-45.
17. Khaidegger M. Prolegomeny k istorii ponyatiya vremeni. Tomsk: Vodolei, 1998. 384 s.
 18. Tsokolov S.A. Konstruktivistskii diskurs kak filosofsko-metodologicheskaya osnova izucheniya kognitivnykh funktsii golovnoy mozga (Neurobiologicheskii konstruktivizm Gerkharda Rota) [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.fund-intent.ru/science/fils005.shtml> (data obrashcheniya 13.05.16).
 19. Yalom I. Ekzistentsial'naya psikhoterapiya. Ch. 3. Izolyatsiya. M.: Klass, 1999 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://psylib.org.ua/books/yalom01/> (data obrashcheniya 3.03.2017)
 20. Zilboorg G. (1938). Loneliness. Atlantic Monthly, January 1938, 45-54.
 21. Putnam H. Reason, Truth and History. Cambridge: University Press, 1981. 236 p.